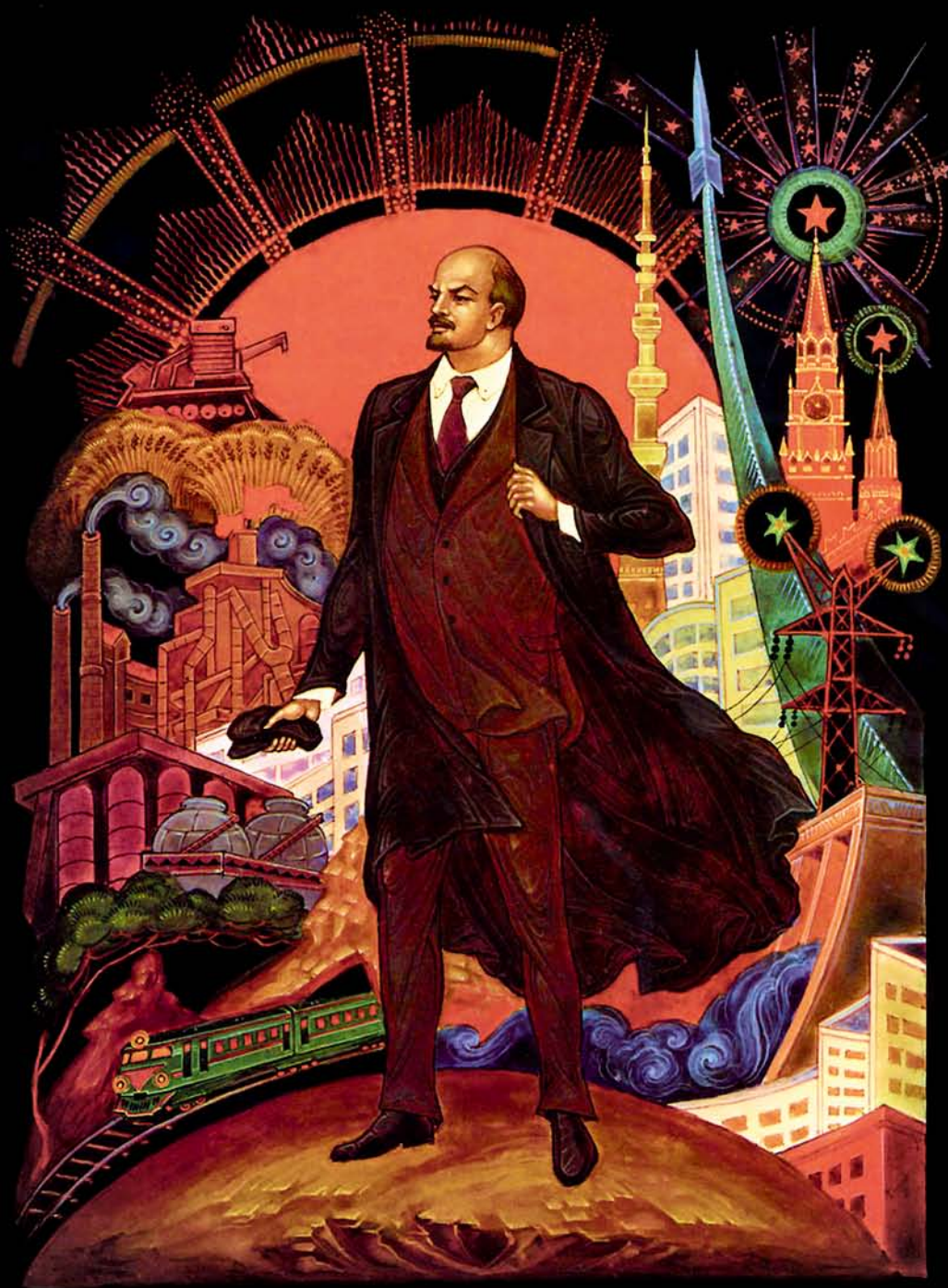

/ Сергей БЕЛКИН /

Ленин и цивилизационный выбор России

1.

В XX веке Россия прошла через несколько крупных исторических поворотов. Среди них были те, которые устремляли страну к изменению не только государственного строя или экономической модели, но и самой ценностной матрицы народа, определяющей смысл и цели его жизнедеятельности. Такие повороты могут приводить к формированию новой цивилизации — и тогда о них говорят как о цивилизационном выборе. Цивилизационный выбор — распространённое, но плохо определённое понятие. Выбор чего-либо может иметь место только тогда, когда есть субъект, обладающий возможностью производить выбор, и есть набор возможностей, из которых этот выбор производится. Важной особенностью, отличающей цивилизации от государств, является бессубъектность: у цивилизаций нет каких-либо органов и персон, действующих от её имени и в её интересах. Чаще всего исторический процесс приводит страну к тем или иным цивилизационным состояниям под воздействием суперпозиции многих факторов, порой далеко отстоящих между собой во времени и пространстве, а осознание этой суперпозиции как «цивилизационного выбора», как правило, возникает ещё через какое-то достаточно длительное время.

В связи с этим говорить об осознанном цивилизационном выборе, осуществляемом теми или иными историческими субъектами, нельзя: они ставят перед собой иные цели и оценивают их в ином — отнюдь не цивилизационном — измерении.

Как оценивать фигуру Ленина в цивилизационной «системе координат»? На мой взгляд, такая оценка должна исходить из следующих тезисов:

- проведённая под руководством Ленина Октябрьская революция 1917 года являлась: а) революцией и б) цивилизационным поворотом (под «цивилизационным поворотом» здесь понимается начавшийся, но ещё не завершённый цивилизационный выбор, в том числе — создание условий для такого выбора);
- роль Ленина в данном процессе была исключительной, осознанной и целенаправленной;
- политические цели Ленина определили базис новой цивилизации — советской;
- Ленин как миф также являлся важным фактором становления и существования советской цивилизации.

Фактология деятельности Ленина известна, вероятно, полностью: здесь вряд ли может обнаружиться что-то существенно новое. Политический анализ и оценка этой фактологии выполнены со всех мыслимых идеологических точек зрения. Образы Ленина созданы во всевозможных формах художественного творчества, и каждый желающий найдёт себе множество вариантов «хорошего» и столько же вариантов «плохого» Ленина. Эмоциональный раскол общества на тех, кто положительно относится к нему, и тех, кто относится отрицательно, весьма устойчив. Нейтрально к Ленину в России относятся очень немногие — наверное, лишь те, кто ухитрился ничего или почти ничего не знать о его существовании. Поэтому политически нейтральный, «объективный» анализ деятельности Ленина и его самого как политика и человека практически неосуществим: эмоция предшествует попыткам исследования. Те историки, философы, политики, публицисты и так далее, кто к Ленину относится «плохо», будут опираться на имеющуюся в достатке «аргументацию», а те, кто Ильича «любит», в изобилии привлекут иные имеющиеся факты и свидетельства, подтверждающие их взгляд. Таков, увы, удел так называемых гуманитарных наук: субъективизм как метод познания.

Субъективизм, однако, обязан формироваться на достоверных, твёрдо установленных фактах. Ежели это не так, — а это часто бывает не так, — то это уже не «нормальный» субъективизм, а пропагандистское промывание мозгов. Поэтому автор, трезво оценивая собственные возможности «быть объективным», предупреждает читателя, что «в целом положительно» относится к Ленину. Кроме того: эта статья не научная, а публицистическая. Публицистика же не только имеет право на эмоцию, но и обязана её проявлять. Публицистика — жанр литературы.

Та точка зрения, с которой я хочу рассмотреть Октябрьскую революцию 1917 года и роль Ленина, называется цивилизационным подходом. Поэтому необходимо сказать несколько слов о сути данного подхода.

2.

При описании событий отечественной истории до сих пор преобладает взгляд на исторический процесс как на следствие развития материальных производительных сил и классово-борьбы. В сказанном мы узнаём язык марксизма,

но те же самые причины и факторы исторического развития (экономика и социальные противоречия) лежат в основе совершенно иного взгляда: современного либерализма, считающего себя антитезой марксизму-коммунизму. В марксистском описании истории, господствовавшем в советскую эпоху, Ленин рассматривался как своевременное воплощение «личности в истории», действенное звено неотменяемой исторической закономерности: на смену капитализму идет социализм, а Ленин становится вождём прогрессивного класса — пролетариата. В этой системе координат Ленин — светлый гений, пребывавший в гармонии и с законами общественного развития как таковыми, и с особенностями их реализации в России.

Иной, либеральный (и особенно — неолиберальный) взгляд ещё выше, нежели марксизм, оценивает роль экономики как мировоззренческого центра всего бытия, видя в ней не просто «базис», а смысл жизни — вплоть до квазирелигиозного ей поклонения. Ленин в этой системе координат — не просто тормоз на пути подлинного прогресса (т. е. развития капитализма во всей полноте его экономических и социальных отношений), а жуткое чудовище, воплощение зла, поскольку он покусился (и преуспел в этом) на священное: частную собственность.

Есть иная система координат, описывающая ход общественного развития и известная как цивилизационный подход.

Цивилизационный подход не отрицает марксистский и либеральный подходы, но принимает их в качестве дополнительных специфических инструментов анализа, помня об их неполноте и мере неточности.

Цивилизационный подход к историческим процессам отличается необходимостью рассматривать сразу много как бы самостоятельных процессов, анализируя изменения в разных сферах жизни. Этот подход исходит из приоритета системы цивилизационных ценностей, из того, что мотивация человеческой деятельности определяется духовной сферой, трактуя это понятие весьма широко: наука, технологии, культура, образование, этика, религия.

Духовный мир во всей его многомерной полноте формирует систему ценностей человека и общества. Система ценностей определяет человеческую деятельность, формирует цели и пути их достижения. Духовный мир и сложившаяся система ценностей определяют структуру, форму и правила жизнедея-

тельности: представления о должном составе и функции семьи, о безопасности и качестве жизни, социально-политическое и экономическое устройство, применяемые технологии и уровень экологического сознания, формы и правила взаимодействия стран и народов, способность и стремление к прогнозированию и конструированию будущего.

В каждой из сфер деятельности существует собственная динамика, имеет место их взаимовлияние, а также синергетическое влияние на динамику цивилизаций. К мощным процессам, влияющим на цивилизационную динамику, относится развитие науки и техники, появление новых технологий, оказывающих столь значительное влияние, что о них говорят как о промышленных или технологических революциях. Важным фактором являются изменения в религиозной жизни: появление новых религий и новых конфессий, борьба церковью друг с другом и с властью, с теми или иными привычками и традиционными верованиями народа. Как самостоятельное движение рассматривается и описывается развитие культуры: появление новых образов в живописи, литературе, смена стилей в архитектуре и в моде, возникновение новых музыкальных и театральных жанров, — всё это являет собой чрезвычайно важный и влиятельный процесс, характеризующий цивилизационную динамику. Совершенно особым «потоклом» является изменение морали, формирование новых и отказ от прежних этических норм и систем. К цивилизационно значимым факторам относится и психология: личная и социальная. Психологические реакции и обусловленные ими формы поведения, установки, фобии и пр. — всё, из чего складывается психологический портрет социума, — следует внимательно изучать и принимать во внимание. Разумеется, не остаётся без пристального анализа и сфера экономики: модели хозяйствования, организации трудовой, торговой и финансовой деятельности в рамках цивилизационного подхода остаются весьма важной характеристикой и одним из отличительных признаков цивилизаций. Наконец, формы политического устройства, принципы и цели управления обществом, государством также включены в перечень факторов, которые необходимо учитывать при изучении цивилизационной динамики.

В каждой из этих сфер происходят перемены, иногда настолько значительные, что в движение приходят не только отдельные общества

и государства, но и целые материки, оказываясь порой в состоянии ожесточённой конфронтации, войны и в следующих за этим состояниях либо упадка, либо нового роста и развития. Анализируя изменения, происходящие в истории цивилизаций: их возникновение, трансформации, угасание, — исследователи стремятся не только установить причинно-следственные связи, но и выявить закономерности, которые позволяли бы как описывать прошлое, так и прогнозировать будущее в судьбе цивилизаций.

3.

Начало XX века для России оказалось временем, в котором суммировались, наложились друг на друга экстремальные изменения сразу в нескольких процессах, происходивших в разных сферах.

В экономической области шёл процесс развития капитализма, ход которого требовал кардинальной ломки устоявшейся столетиями социальной структуры, межсословных отношений и формы государственного устройства.

В религиозной сфере усугублялся драматический упадок авторитета господствующей церкви — как в силу повреждений её внутренней жизни, так и в силу набравшего силу стихийного безверия и нигилизма. В сфере культуры протекало несколько конкурировавших процессов: от модернизма, взыскующего будущего, до явлений, довольно точно описываемых термином «декаданс», то есть упадок. Очевиден был отказ от прежних целей, прежней роли и прежнего языка искусства. Научная картина мира переживала один из самых драматических периодов своего развития: на смену классической физике пришла современная, ломавшая представления о мироустройстве в целом. В музыке набрали силу совершенно непредставимые в XIX веке формы и ранее абсолютно немислимое эмоциональное содержание. В живописи, казалось бы, совсем недавно пережившей революционный отказ от «академизма», от продолжавшегося столетиями христианского тоталитаризма, происходили стремительные перемены: совсем ещё юный импрессионизм сменялся постимпрессионизмом, экспрессионизмом,

абстракционизмом. В архитектуре пришло время невиданных прежде форм, обусловленных как новой эстетикой, так и возможностью применения новых конструктивных материалов. В области морали наблюдался массовый отход от прежних норм поведения, от соотнесения своих представлений о должном с религиозными предписаниями и прежними стандартами и привычками. Веками нараставшие этноконфессиональные противоречия также требовали своего разрешения.

В сфере политической мысли возникли весьма глубокие теории, не только описывавшие ход истории, но и вскрывавшие причины социальных недугов. Помимо описания прошлого и настоящего эти теории предлагали и рецепты избавления от социальных пороков, формы более справедливого государственного устройства в будущем. Последователи этих теорий сформировали действенные организации, вовлекшие в свои ряды весьма энер-

гичных и идейно заряженных людей, готовых к решительным действиям по переустройству государства. В то же время возраставшая сложность управления огромным усложнявшимся государством вступила в непримиримые противоречия со сложившейся полуфеодальной системой, к тому же существенно ослабленной агрессией развивавшегося капитализма и войнами. Силу государства подрывала и нараставшая неуверенность подданных в праве «власти на власть», то есть существенная утрата легитимности монархии. Наконец, Россия не являлась изолированной системой, она была, есть и будет звеном, ячейкой в системе международных отношений, направленных — почти всегда — на её ослабление.

Собравшись на одном отрезке истории, эти процессы породили крайне неустойчивое состояние общества и государства, предельно усугубившееся Русско-японской и Первой мировой войнами. Российская империя утратила

способность к адекватной адаптации в быстро и радикально изменявшихся обстоятельствах. Говоря современным языком, Россия вошла в «зону турбулентности», для которой характерна возможность драматически больших изменений при даже незначительном воздействии — извне или изнутри. Такие состояния в динамике сложных систем называют «точками бифуркации», пережив которые, система оказывается в совершенно новом — причём заранее непредсказуемом — состоянии. Факторов, выталкивавших Россию из состояния неустойчивости в историческую неоднозначность, в слом всех форм, было много во всех сферах жизни. И повсюду имелись и личности, и сообщества людей, обеспечивавших воздействие этих факторов.

Одним из таких людей-факторов был Ленин. Разумеется, Ленин не ставил перед собой задачу «цивилизационного выбора». Вернее, он не стал бы описывать свои намерения на таком языке.

Зададим простой вопрос: мог ли цивилизационный подход к истории дать «революционное учение», инструмент захвата власти и радикального изменения общественного устройства? Не описать его постфактум, а дать действенный инструмент политической борьбы? Марксизм такой инструмент давал со всей определённой, указывая и цели, и движущие силы. Ленин, опираясь на теорию марксизма, разработал технологию политической борьбы и реализовал её на практике, как бы и не ставя перед собой «цивилизационные» цели. Но по существу своему цели той революции, к которой он стремился с исключительной настойчивостью и мастерством, несомненно, должны были разрушить многое в сложившейся цивилизационной матрице России и заместить её иной, в которой впоследствии обнаружились бы как вполне традиционные, даже консервативные элементы русской цивилизации, так и совершенно новые, взятые из марксистской и социал-демократической концепции построения справедливого общества.

Революция с точки зрения цивилизационного подхода означает качественный скачок в развитии локальной цивилизации или её существенных элементов, переход в новое состояние. В истории цивилизационной динамики было много революций начиная с неолитической, породивших саму цивилизацию как социальное явление. Причиной революций являются исторические вызовы, с которыми сталкивается

общество, идущее по пути развития. Революция становится толчком для перехода к очередному этапу в развитии цивилизации или к новой цивилизации. Революции, так или иначе, охватывают все элементы цивилизации, всю её шестимерную (по Кузьку — Яковцу) структуру: качественные перемены происходят в демографической, экологической, технологической, экономической, социально-политической сферах и в духовной жизни общества (науке, образовании, культуре, системе этических и религиозных ценностей). В зависимости от масштабов изменений это приводит либо к смене социокультурного строя, либо к формированию нового этапа в его развитии.

4.

Пропагандистский тренд в историографии современной России содержит, в частности, и внедрение мема «Русская революция 1917 года», объединяющего события Февраля и Октября. Цель этой пропаганды состоит в том, чтобы Февральскую революцию считать как бы «главной и правильной», а то, что произошло в октябре и после, именовать не «Октябрьской революцией», а «переворотом», эдаким зигзагом истории, трагическим маршрутом и заблуждением, которое удалось через семь десятилетий вскрыть и вернуться на «правильную дорогу».

«Русская революция 1917 года», несомненно, состояла из двух революций, каждая из которых ставила свои собственные цели. С цивилизационной точки зрения можно утверждать, что Февральская революция заложила основы для цивилизационного поворота. Глубина и масштабы намеченных этой революцией преобразований и их целей могут оцениваться как цивилизационно значимые, но она не смогла этот новый курс удержать. Система Российского государства продолжала оставаться в зоне высокой неустойчивости, точка бифуркации ещё не была пройдена (отметим, что такая точка бифуркации на временной шкале исторического процесса может занимать годы и даже десятилетия). Цивилизационные факторы Февраля, хотя и не реализовались в достаточно длительной практике, тем не менее имели место, воспринимались вполне явственно и, несомненно, влияли на настроения масс, но так, что период «двоевластия» сработал в пользу иных цивилизационных ценностей: народ пошёл «за Советами».

Октябрьская революция, несомненно, была именно революцией, а не переворотом: ре-

волюции делает революциями не формы их проведения, а социально-политические последствия. Не вызывает сомнений также и то, что в октябре 1917 года Россия совершила второй за тот год цивилизационный поворот: от либерально-буржуазной парламентской республики, только что свергнувшей монархию, — к построению абсолютно нового, прежде никогда не бывшего и не до конца ясно видимого социализма. Ясно просматривалось, пожалуй, только это: слом новорождённых либерально-буржуазных порядков, окончание войны и жизнь «по справедливости».

Кстати, последний цивилизационный поворот, совершённый на рубеже 80–90-х годов того же великого XX века, с марксистской точки зрения является «поворотом от социализма к капитализму», регрессом, попятным движением, противоречащим сути и направлению исторического развития. С либеральной точки зрения он означает возвращение от несвободы к свободе, на единственно верный путь — демократии и рыночной экономики. С цивилизационной точки зрения — это попытка подчинить локальную (русскую) цивилизацию иной, западной цивилизационной модели, пытающейся стать единственной в глобальном масштабе. Поскольку русское цивилизационное ядро, духовной основой которого является стремление к справедливости, эмпатия и коллективизм, ещё не разрушено, к тому же народ ещё помнит и ощущает как ключевой элемент своего цивилизационного кода право на развитие по собственным моделям и образам, в соответствии со своими этическими установками, в условиях духовного саморазвития, важной частью которого является наука и самобытная культура, а легитимация власти происходит на основе общности ценностей, а не в виде формальной манипулятивной процедуры, — этот поворот встречает сопротивление среды. Отсюда постоянные сетования нынешних «цивилизаторов» на «не тот народ», с которым провести «правильные» реформы невозможно, и т. д.

5.

Февральская революция 1917 года, несомненно, несла в себе чрезвычайно существенные черты цивилизационной революции. Одного упразднения монархического строя, просуществовавшего много столетий, было более чем достаточно для ожидания нового цивилизационного состояния России. К этому

добавился и ряд иных преобразований, разрушавших прежнюю ценностную матрицу: упразднены сословия, внедрён целый ряд политических свобод и пр. Быть может, самым существенным с цивилизационной точки зрения результатом Февральской революции стала утрата легитимности власти, причём даже не на уровне авторитета и доверия народа, а на уровне религиозном: помазанник Божий отрёкся и был арестован, в церквях перестали провозглашать «многие лета царствующему дому», заменив объект здравницы на «благочестивое Временное правительство».

Февральская революция открыла перед Россией дорогу к продолжению развития капитализма в более благоприятных, с точки зрения капиталистов, условиях, к строительству буржуазно-демократического государства «европейского типа». С цивилизационной точки зрения это означало формирование новой ценностной матрицы, наиболее существенным отличием которой от прежней должны были стать замена общинного, коллективистского мировоззрения большинства населения мировоззрением индивидуалистическим и примат материального над духовным. Но, как показали предшествующие десятилетия развития капитализма в России и реакция на этот процесс со стороны как населения в целом, так и оппозиционных движений и многих деятелей культуры, русский народ в целом, и прежде всего крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения, не принимали ни западных представлений о собственности на землю, ни внедрения рыночных отношений вместо общинного уклада.

Размышляя над этими свойствами русского человека, Николай Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «По своим понятиям о собственности русские крестьяне всегда считали неправдой, что дворяне владеют огромными землями. Западные понятия о собственности были чужды русскому народу. Земля Божья, и все трудящиеся, обрабатывающие землю, могут ей пользоваться. Наивный аграрный социализм был присущ русским крестьянам». Ленин в своей статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» подчёркивал, что русская революция выражала «протест против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеливания масс».

В этом протесте, который лишь усугубился после реформ Столыпина, разрушавших общинный уклад, вполне очевидны цивилизационные основания.

Конфликт был ценностный, цивилизационный, и для его разрешения Февральская революция ничего, что хотя бы как-то отвечало умонастроениям народа, предложить не смогла. Именно в силу этого Февральская революция завершилась бесславно, породив не цивилизацию, а мстительный выплеск в виде Белого движения, принесшего гибель миллионам, схватившимся в братоубийственной Гражданской войне. Так что февральский цивилизационный поворот был поворотом в никуда, потерей управления, после которой машина неслась к пропасти.

6.

Совершенно иного результата достигла Октябрьская революция. И обусловлено это было в значительной мере именно тем, что Ленин апеллировал к ценностным основаниям русского народа. Его антикапиталистический, антибуржуазный поход «за социализмом» перевёл Россию на новую ценностную матрицу, из которой и на которой успешно выросла новая цивилизационная сущность. И путь этот не был указан одним лишь марксизмом или европейской социал-демократией, в которых, несомненно, Ленин ментально пребывал на протяжении всей своей жизни. Но, пребывая в них, Ленин решал совершенно конкретную политическую задачу, понимая — в отличие от «февралистов» и даже близких ему по мировоззрению разномысленных социалистов, — что крестьянство

может и должно стать революционной силой в России, став союзником передового рабочего класса. А это уже не марксизм, это — ленинизм. И это — цивилизационное движение, а не одна лишь политическая тактика и стратегия, которые, несомненно, имели место и превалировали в среде мотиваций и самого Ленина, и его соратников.

Осуществив Октябрьскую революцию, Ленин сделал цивилизационный выбор, определивший на многие десятилетия вперёд судьбу не только России, но и всей человеческой цивилизации. Именно та фундаментальная ценностная матрица, которая была заложена Лениным сначала в виде политических лозунгов апреля 1917 года, затем в виде первых декретов, потом в виде институтов: Советов, наркоматов, планов развития народного хозяйства, идеологических установок на «союз с крестьянами-бедняками и середняками и разрыв с кулаками», политической технологии тактической борьбы, компромиссов и отступлений, не выходящих за грань отказа от целей и базовых ценностей, — позволила Сталину не дать России свалиться в многочисленные гибельные пропасти первых двух послереволюционных десятилетий.

Именно те ценности, которые отстаивал и внедрял Ленин до, во время и после Октябрьской революции, обрели легитимность и привели к фундаментальному изменению русской цивилизации, вывели её на дорогу, которая вела к новой русской цивилизации — советской.

7.

Цивилизационный поворот несёт в себе не только внедрение и насаждение нового, но и системное разрушение старого. Поскольку перед Лениным стояла задача не столько захвата власти в стране, сколько изменения всех политических и экономических основ государства, он не только созидал, но и сокрушал, действуя и в том, и в другом направлении весьма решительно.

Надо сказать, что и предыдущие цивилизационные повороты, осуществлённые в России, отличались весьма жёсткой борьбой с прежним укладом. Так, киевский князь Владимир не просто «выбрал веру», но и запустил процесс предельно жестокого, бескомпромиссного, тотального уничтожения всех вариантов язычества — в том числе и того, который до этого установил сам.

«Европеизация» России, проводимая Петром Первым, тоже не отличалась умеренностью и кротостью нравов: реформы насаждались силой и страхом.

Октябрьская революция — та её фаза, которая была связана с захватом власти и низложением власти предшествующей, — не потребовала применения существенного насилия и прошла, по сути, бескровно. А вот следующая фаза этой революции потребо-

вала нарастания насильственных действий. Гражданская война и интервенция привели Россию к самым крайним формам политической жестокости. Ленин как лидер революции, как глава возникшего в её ходе государства не отличался сантиментами и всегда был готов к применению насилия, если считал это необходимым: видимо, будучи внутренне уверенным, что цели революции, возможность построения общества справедливости оправдывают в том числе и любые средства их достижения. Под «колесо истории», под карающий меч революции бросалось всё, что ей препятствовало, — как в форме открытой борьбы, так и на уровне фундаментального, ценностного противостояния. К последнему следовало бы отнести негативное отношение марксистов к религии, особенно — к православной, но при этом важно не перепутать, не отождествить данное отношение с борьбой против церкви, которая была продиктована прямым противостоянием церкви новой власти. Социалистическая революция, провозглашавшая безбожие как норму, тем не менее использовала многовековой церковный опыт. Та мифологема, которая была впоследствии утверждена как «марксизм-ленинизм», внедрила квазирелигиозное мировоззрение и квазирелигиозные нормы морали и поведения. В отличие от Владимира Святого Владимир

Ленин и большевики не ставили задачу тотального искоренения церкви, уничтожения религий как таковых, — им достаточно было зажать их политически до такой степени, при которой те не смогли бы препятствовать строительству социализма. Не менее, а порой и более жёсткая борьба велась с «классовыми врагами».

Цивилизационный поворот, начавшийся в 1917 году, продолжался около двух десятилетий. Только в 1936 году Сталин заявил: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе: первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма — социализм». С этого момента можно говорить о появлении в истории человечества новой цивилизации — советской. Но во времена Ленина осуществлялись лишь первые шаги на этом пути. Ленин прекрасно понимал, что предстоит достаточно длительный переходный период. Об этом он писал в октябре 1919 года в статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата»: «Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом <...> или, иными словами: между побеждённым, но не уничтоженным капитализмом и родившимся, но совсем ещё слабым коммунизмом». Подводя итог двухлетнего правления большевиков, Ленин писал: «Сразу, одним революционным ударом, сделано то, что вообще можно сделать сразу: например, в первый же день диктатуры пролетариата, 26 октября 1917 г., отменена частная собственность на землю, без вознаграждения крупных собственников, экспропрированы крупные собственники земли. В несколько месяцев экспропрированы, тоже без вознаграждения, почти все крупные капиталисты, владельцы фабрик, заводов, акционерных предприятий, банков, железных дорог и т. д. Государственная организация крупного производства в промышленности, переход от «рабочего контроля» к «рабочему управлению» фабриками, заводами, железными дорогами — это, в основных и главнейших чертах, уже осуществлено,

но по отношению к земледелию это только-только начато».

И ещё одна цитата из той же статьи: «Вы — нарушители свободы, равенства, демократии, — кричат нам со всех сторон, указывая на неравенство рабочего и крестьянина в нашей Конституции, на разгон учредилки, на насильственное отобрание излишков хлеба и т. п. Мы отвечаем: не было в мире государства, которое бы так много сделало для устранения того фактического неравенства, той фактической несвободы, от которых веками страдал крестьянин-труженик. Но с крестьянином-спекулянтom мы никогда не признаем равенства, как не признаем «равенства» эксплуататора с эксплуатируемым, сытого с голодным, «свободы» первого грабить второго. И с теми образованными людьми, которые не хотят понять этой разницы, мы будем обращаться как с белогвардейцами, хотя бы эти люди назывались демократами, социалистами, интернационалистами, Каутскими, Черновыми, Мартовыми».

Мы привели эти цитаты, а могли бы привести и множество других, чтобы напомнить о состоянии неистовой, бескомпромиссной борьбы «за идеалы революции» и против «врагов революции», в которой пребывал Ленин в процессе цивилизационного поворота.

8.

Взгляд на русскую революцию как на цивилизационный поворот не нов. Среди авторов, развивавших эту тему, упомянем Вадима Цымбурского, считавшего Октябрьскую революцию аналогом европейской Реформации: «В конечном счёте, если весь прошлый (XIX. — С. Б.) век представляет предреформационную эпоху, то большевизм может рассматриваться как наша реформация, он явился квазирелигиозной доктриной, утверждающей главенство города в лице его передовых плебейских слоёв над отсталой деревней. <...> Большевизм выполнял цивилизационную роль, роль, аналогичную Реформации в Европе. Другое дело, надо постоянно помнить, что речь идёт не о том, чтобы провести в России европейскую Реформацию, чтобы создать в России слой людей, в чём-то подобных протестантской этике. Хотя, например, Николай Бердяев писал, что только большевизм и создал предпосылки для обуржуазивания России. Нет, речь идёт, прежде всего, о том, что большевизм провёл одну из многочисленных городских революций, какие бывали в истории самых разных цивилизаций».

Разумеется, речь не шла о создании слоя людей, стоявших на позициях протестантской этики. А вот о создании слоя людей, стоявших на позициях этики социалистической, — шла! Обратив внимание на то, чего в этической трансформации не было, Цымбурский не обратил внимания на реально происходившую и весьма существенную этическую трансформацию, приведшую к созданию совершенно новой этической системы.

Размышляя о либерализме как альтернативе «большевизму», Цымбурский пишет: «А что же такое тогда либерализм? Либерализм — это чисто западное явление. Он возник в XVII веке, когда в рамках западной системы сложилась ситуация пата между силами Реформации и Контрреформации. Он так и остался бы просто идеологией пата, идеологией разрядки, терпимости и временного перемирия, если бы не был синкретизирован, во-первых, с масонством, заявившим, что в принципе можно попытаться построить царство Божие на земле собственными конструктивно-человеческими средствами, и, во-вторых, если бы не был синкретизирован с бурной промышленной революцией XVIII века, которая сулила осуществление этих чаяний. Либерализм — это чисто западный цивилизационный ход. В цивилизационное развитие России он так и не вписался». Да, не вписался, однако настойчиво продолжает попытки если не вписаться, то внедриться силой.

Мы отмечали квазирелигиозный характер марксизма-ленинизма как идеологии построения социализма в СССР. Можно провести параллели и с организационными, управленческими и психологическими приёмами христианской церкви. После смерти Ленина ВКП (б), а потом и КПСС формировали миф о Ленине как об идеале личности, а также идеале политика, патриота, коммуниста, человека, наделённого гениальностью, огромными знаниями, невероятной прозорливостью, волей, скромностью и т. д. Пропагандистские формы: повсеместное развешивание портретов, бюстов, памятников, проведение «в их присутствии» ритуальных процедур приёма в партию, комсомол и в октябрюта, — всё это и многое другое заимствовало приёмы и технологии религиозных культов. Отрицать действенности этих технологий и достаточно эффективного использования образа Ленина в процессе строительства социализма, особенно в первые десятилетия, нельзя. Разумеется, как и всякий миф, как любой искусственный идеал, он, сталкиваясь с действительностью,

размывался, его эффективность снижалась, и в конце концов — особенно после XX съезда, на котором вроде бы разоблачали Сталина, а Ленина по-прежнему возвеличивали, — миф о Ленине не только перестал работать, но и начал оказывать вполне разрушительный эффект.

9.

Считаем важным указать на распространённую неточность в употреблении понятия «большевики» и «большевизм». Употребление понятия «большевики» без уточнений, о каких именно большевиках идёт речь, — лишь затуманивает картину.

Считать большевиками всех, кто себя сам так называл, конечно, можно, но при этом будет упущено очень существенное обстоятельство. Одни большевики — те, кто так себя называл до революции. Другие — те, кто так себя называл в ходе Октябрьской революции и в последующие годы (до середины 30-х годов или чуть дольше). Большевики никогда не отличались однородностью взглядов. В их среде всегда шла принципиальная борьба мнений. Пока партией руководил Ленин, ему часто удавалось убеждать соратников в своей правоте и формировать общее мнение. После его смерти раскол внутри большевиков стал стремительно нарастать, причём уровень расхождений во взглядах достиг самых принципиальных мировоззренческих вопросов. Тот якобы большевизм, который переоформился в троцкизм и который рассматривал Россию в качестве расходного материала для мировой революции, — с цивилизационной точки зрения совершенно не то, к чему на практике стремился Ленин, и дважды не то, к чему стремился Сталин. Только последовательный разгром троцкистов и всех иных «уклонов» позволил Сталину сформировать то, что стало советской цивилизацией.

Вся сложность той борьбы, переплетение менявшихся точек зрения её участников, возникновение и разрушение временных союзов, жонглирование целями и аргументами позволяют современным пропагандистам записывать деятелей прошлого в какие угодно мировоззренческие и политические группировки, подкреплять это цитатами. В этом отношении цивилизационный подход оказывается более надёжным инструментом анализа подлинных, ценностных установок, помогает очистить его от наслоения тактических лозунгов и реплик, позволяет за словами и терминами видеть суть.

И тогда приписываемая Ленину русофобия оказывается как минимум сомнительной, а адепты этой точки зрения оказываются так или иначе вовлечёнными в современные течения, преследующие свои политические цели (как правило, близкие или троцкистам, или «февралистам», или «белым», или «мировому капиталу»).

Одним из важных инструментов разрушения целостности: и государства, и ментальной органики народа, — является противопоставление Ленина и Сталина. Инструмент этот обладает удивительным свойством: одинаково успешно разрушает сознание как «левых», так и «правых», как «наших», так и «не наших». Первыми, кто вооружился этой метафорой, были те, кому было важно демонизировать Сталина: от Хрущёва и «детей XX съезда» до горбачёвского Политбюро, — и говорить о «возврате ленинских норм», об уничтожении Сталиным «ленинской гвардии» и т. п. Этот же инструмент охотно принимают на вооружение и те, кому важно доказывать, что «Ленин был плохой»: русофоб, западник, немецкий шпион, богоборец и т. д., а вот Сталин — «хороший»:

восстановил империю, победил в войне, создал промышленность, вернул церковь... Если не идти на поводу у вольных и невольных пропагандистов, среди которых и «слева», и «справа» немало весьма ярких, подлинно талантливых людей, искренних патриотов; если не сводить историю России к её политической составляющей, если погружаться вглубь цивилизационного процесса и отслеживать то главное, что делает Россию — Россией, а русский народ — русским народом, то станет очевидной неразрывная связь Ленина и Сталина, их органическая вовлечённость в единую ценностную матрицу. Разрыв этой целостности, внедрение в сознание концепта о сущностном противостоянии Ленина и Сталина означает ни много ни мало смерть всей идеи русского коммунизма. Что и является главной целью тех, кто использует матрицу «Ленин против Сталина». Есть и иные цели: представить русскую историю как лишённую внутренней логики цепь интриг, подлости, коварства, как некий ценностный хаос. А когда этот хаос овладевает сознанием «рядового россиянина», им становится гораздо проще управлять.